

**Борис
КРАСНОВ**
г. Санкт-Петербург

«Уходят поэты советской эпохи...»

* * *

Там за дальней строкой, за которой кончается лето,
за лесною тропой, вдоль которой сверкает роса,
начинается день, выпадающий из трафарета,
разводящий по разным углам грибников голоса.

Разбежались грибы по кругам, по таинственным дугам.
Нескончаемый лист испестрил, изрядил тишину.
Забредаю в лосиный, в медвежий, в неведомый угол
и по мшистым прогалам следов вереницу тяну.

Солнце метит стволы, распадаясь на вспышки и пятна.
Я в еловой тени постою, притаюсь, раздышусь...
Есть — молчания речь, мне она и слышна и понятна,
что-то лес мне расскажет, а чем-то и я поделюсь.

* * *

Как-то неожиданно грянула беда —
под лежащий камень затекла вода!

Отсырел лежащий камень вековой,
а бродячий камень до сих пор сухой.

Слишком ходит шибко этот пилигрим,
и воде текучей не поспеть за ним.

Борис Николаевич КРАСНОВ

родился в 1953 г. в Ленинграде. Окончил
Электротехнический институт
им. М.А. Бонч-Бруевича (ЛЭИС). Работал
инженером-разработчиком на различных
предприятиях ВПК.
Автор семи книг стихов и многочисленных
журнальных публикаций стихов,
прозы и критики.
Член Союза писателей России с 1997 г.
Руководитель Литературной мастерской
при СПР.

* * *

Висит над озером
двустворчатая радуга.
Утята возятся
в осоке, жизни радуясь.

Лес машет сучьями —
плач о листве утраченной.
Густыми тучами
пространство обозначено...

Лес хвойный, зубчатый —
в себя ушедший праведник.
И мир задумчивый
вокруг такой и правильный.

* * *

Посидел в лесу на мертвой ели.
Дятел где-то стучал еле-еле,
вечер предьявлял свои права.
Мхи бугрились в основаниях сосен,
лес уставший окружала осень,
и без боя падала листва.

Лес и холод сталкивались лбами,
поздно за последними грибами
уходить в разведку в никуда.
В серых тучах множилась досада:
мол, дождём ударить с фланга надо,
но на небе кончилась вода.

* * *

Дождь ночной следы оставил —
полон снег неожиданных кружев.
В мелкой луже лед растаял —
отразилось солнце в луже.
С ветки прыгнула сорока
и на лужу покосилась.
Корка снежного барокко
от сугроба отвалилась.

* * *

Считай лета по срезу ели,
по смоляным её кругам.
Вот здесь когда-то птицы пели,
а здесь — промчался ураган.

Ищи кузнечика в полыни,
в листве — узорного клопа.
Пока все листья не спалили
и не сложили в короба.

Ищи звенящую бронзовку
в пахучей кроне купыря,
пока ручей, звеня подковками,
бежит по краю пустыря.

Броди по осыпям, по скалам,
по тропам, узким как змея.
Ищи! И ты увидишь в малом
великий подвиг бытия.

* * *

Ночь прошла кругами ада.
Вновь глазам открылась даль.
За окном висит награда —
утра серая медаль.
Дождь строчит свои полотна,
и отнюдь не ясно мне,
есть ли жизнь на оборотной,
на блестящей стороне?

* * *

В одиночестве моём
только ветер да прохлада —
неба синего объём,
а другого мне не надо.

Пусть другое — для других.
Для меня же — лес осенний
да неспешный этот стих
по тропе перечислений.

Лист берёзы, лист ольхи,
клёна лист семиконечный...
Для чего они, стихи,
в этой жизни быстротечной?

Что сегодня, что вчера —
всё в одной и той же мере...
Легче птичьего пера
грусть в осеннем интерьере.

* * *

Уходят поэты советской эпохи.
И — пусто. И — тихо в юдоли земной.
Не то чтобы ныне поющие плохи,
их песни — иные, их голос — иной.

А время, что мерно когда-то струилось,
несётся потоком, сметая мосты.
Последняя мёртвым дарована милость:
их души свободны, их тени чисты.

Вновь над горизонтом пылают сполохи,
и дымом несёт от горящих лесов...
Уходят поэты советской эпохи.
Никто не прочтёт их последних стихов.